

БИБЛЕЙСКИЙ МИФ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПРОЗЕ С. С. КОНДУРУШКИНА

© Светлана Владимировна

BIBLICAL MYTH IN S. KONDURUSHKIN'S MIDDLE EAST PROSE

Svetlana Vladimirova

Russian literature of the Silver Age is characterized by rethinking of mythology and mythmaking, which allows the writers, in the changed conditions, to portray man and the world around him in a new way. A special role in this process is played by the biblical myth.

The aim of the article is to identify the representation features of the Old and New Testament stories in the Middle Eastern narrative by the writer and journalist S. Kondurushkin. The author analyzes the system of biblical characters, the specifics of interpretation of the stories, the nature of their transformations and the importance of introducing the carnival-comic component in the text, based on the stories "Moses" and "The Descendants of the King of Judea". The article emphasizes the role of the Middle Eastern landscape, which, for Kondurushkin, serves as a link between the mythohistorical past of the biblical East and the present of Palestine and Syria.

The use of the biblical myth in Kondurushkin's Middle Eastern narrative significantly expands his artistic possibilities. From the relatively simple schemes of a travel essay and an eyewitness account, he moves to a complex system of images from the past and present, "big narratives" unfolding against the background of the mountainous landscapes of Syria and Palestine, which are familiar to the author and his readers.

The biblical imagery remains one of Kondurushkin's most important artistic devices in his articles and essays on the First World War and the Revolution of 1917.

Keywords: biblical myth, Russian prose of the Silver Age, Middle Eastern narrative, S. Kondurushkin, A. Gorky, "Moses", "The Descendants of the King of Judea"

В русской литературе Серебряного века происходит переосмысление мифологии и мифотворчества, что позволяет писателям в изменяющихся условиях по-новому изобразить человека и мир вокруг него. Особую роль в этом процессе играет обращение к библейскому мифу.

Цель статьи – выявить особенности представления ветхо- и новозаветных сюжетов в ближневосточном нарративе писателя и журналиста С. С. Кондурушкина. На материале повестей «Моисей» и «Потомки царя Иудейского» автор статьи анализирует систему представленных в них библейских персонажей, специфику интерпретации сюжетов и характер их трансформации, смысл введения в текст карнавально-комической составляющей. В статье подчеркивается роль ближневосточного пейзажа, выступающего для Кондурушкина связующим звеном между мифоисторическим прошлым библейского Востока и сегодняшним днем Палестины и Сирии.

Обращение к библейскому мифу в ближневосточном нарративе Кондурушкина значительно расширяет его художественные возможности. От относительно простых схем путевого очерка и рассказа очевидца он переходит к сложной системе образов прошлого и настоящего, «больших нарративов», разворачивающихся на фоне хорошо знакомых автору и его читателям горных ландшафтов Сирии и Палестины.

В дальнейшем библейская образность остается одним из важнейших художественных средств Кондурушкина в статьях и очерках, посвященных Первой мировой войне и революции 1917 года.

Ключевые слова: библейский миф, русская проза Серебряного века, ближневосточный нарратив, С. С. Кондурушкин, А. М. Горький, «Моисей», «Потомки царя Иудейского»

Русская литература Серебряного века демонстрирует особый интерес к мифологии и мифотворчеству. Их переосмысление в изменяющихся условиях современной жизни позволяет писате-

лям по-новому изобразить человека и затронуть существенные вопросы его бытия. Особое место в этом процессе занимает библейский миф. Несмотря на то что данная проблема не раз стано-

вилась предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей [1], [2], [3], [4], [5], ряд ее аспектов по-прежнему заслуживает внимания, в частности вопрос о специфике презентации библейского мифа в ближневосточном нарративе отечественной прозы 1900–1910-х гг.

Цель нашей статьи – выявить особенности представления ветхо- и новозаветных сюжетов в ближневосточном нарративе одного из заметных участников литературной жизни первых десятилетий XX века, писателя и журналиста Степана Семеновича Кондурушкина (1874/75–1919). Несмотря на то что это имя отчасти сохранилось в истории отечественной литературы (см.: [6]), предметный интерес к его творчеству возвращается только в последние годы, прежде всего в связи с его пребыванием на Ближнем Востоке [7]. Оказавшись в 1898 году после окончания Казанского учительского института на должности учителя арабских православных школ в Южной Сирии, Кондурушкин получил возможность погрузиться в жизнь арабского Востока, познакомиться с обычаями Палестины, Ливана и Сирии, осмыслить не только экзотику этого региона, но и ближневосточную повседневность. Именно арабский Восток становится предметом его первых творческих опытов, включающих в себя литературные произведения и очеркистику, главная задача которых – познакомить читателей с подробностями политической, экономической и бытовой жизни региона [8].

Поддержка, оказанная начинающему литератору Н. К. Михайловским и В. Г. Короленко, во многом определила характер его будущего творчества. «Отчего бы Вам <...> не попытаться познакомить читающую публику с особенностями той жизни, которая Вас теперь окружает? Пишете Вы литературно, кое-где красиво, а наблюдение над своеобразной жизнью – отличная школа?» – советовал Короленко начинающему автору [9, с. 129]. Неслучайно Кондурушкин открывает свой сборник сирийских рассказов посвящением Короленко [10, с. 2].

В первой половине 1900-х гг. Кондурушкин – постоянный автор ряда толстых журналов, включая «Русское богатство», «Исторический вестник» и «Ниву». Важнейшим для его творческой судьбы во второй половине 1900-х гг. становится сотрудничество с товариществом «Знание». Эта литературная группа может без преувеличения считаться самым мощным творческим объединением русского реализма в этот период.

Кондурушкин дважды публикуется в сборниках «Знания», в этом же издательстве выходят его книги: в 1908 г. уже упомянутые «Сирийские рассказы», а в 1910 г. – второй сборник. В обоих

сборниках была рельефно представлена ближневосточная тема. Конечно, Кондурушкин не единственный из авторов «Знания», кто увлекается ближневосточными сюжетами. Можно сказать, что в сборниках общества формируется свой ближневосточный нарратив. Перечисляя произведения «Елезар» и «Иуда Искарот» Л. Н. Андреева, «Тень птицы» И. А. Бунина, «Между двух берегов» Н. Д. Телешова, Д. А. Завельская подчеркивает: «У авторов горьковского „Знания“ встречаются различные способы воспроизведения „библейского пласта“» [11, с.100].

Свое место в этом ряду по праву занимает и «Моисей» Кондурушкина. Заметим, что в 25 выпуске «Знания» эта повесть предшествовала очерку «Иудея» и трем «библейским» сонетам И. А. Бунина. Подобное композиционное решение, формирующее «ближневосточный блок» сборника, было не случайно, тем более что очерк Бунина не только в своей поэтике, но и по многим визуальным решениям достаточно близок ближневосточной очеркистике Кондурушкина.

Повесть «Моисей» – одно из достижений ближневосточной прозы писателя, погрузившего мифоисторический сюжет в хорошо знакомые ему пространства Палестины и Сирии, хотя «неподвижность вечного», культурно-историческое прошлое этого региона подразумеваются почти во всем ближневосточном нарративе Кондурушкина, а конфликт «большого времени» (М. М. Бахтин) легендарного прошлого и «малого времени» сегодняшнего дня очень часто составляет главную коллизию его рассказов («Могильщик», «Два минарета», «На рубеже пустыни» [10]).

Обращение Кондурушкина к библейскому мифу, таким образом, имеет несколько причин. С одной стороны, оно находится в русле творческих исканий близкого ему круга писателей, равно как всей культуры Серебряного века, с другой – его интерпретация ветхозаветного и новозаветного сюжетов опирается на визуальное представление конкретного пространства, на котором эти сюжеты разворачиваются. Последнее выгодно отличает писателя от большинства создателей русского ближневосточного нарратива. Его взгляд – это не поверхностный взгляд путешественника («в пробковом шлеме»), это взгляд человека, несколько лет прожившего на этой земле, знающего этих людей и чувствующего их генетическую связь с событиями далекого прошлого: «Проезжая по горам, часто встречаешься с остатками глубокой старины, начиная с финикий и кончая крестовыми походами, – замечает он в очерке «Ливан». – В первые века христианства Ливан был местом пристанища многих христианских отшельников, а потому часто в горах

можно видеть пещеры, высеченные на скалах кресты и надписи. Да и сами горы высятся перед вами, как немые загадки далекого прошлого, как застывшие исполины, окаменевшие под холодным дуновением вечности» [12, с. 796].

Впрочем, в создававшемся в годы Первой русской революции «Моисее» обращение к библейскому мифу сопряжено и с желанием осмыслить социальные потрясения современной России. Именно Моисей – важнейшая для автора фигура пророка, радикально меняющего жизнь и судьбу своего народа. При этом писатель не проводит прямых аналогий между главным героем повести и участниками событий в России, хотя большинству читателей они были очевидны. Моисей для Кондурушкина – один из главных героев многовековой истории. Не случайно образ Моисея в сознании автора в самом начале повести имеет особую торжественность и поэтичность:

«Я кружил по скалистым, таинственным берегам Мертвого моря. И в душе моей возникали видения мглистого прошлого.

Днем, в сверкающей дали, видел я бесконечные толпы народа. Томимый голодом и жаждой идет он по раскаленной пустыне, идет – ищет обетованную землю, свободную родину.

Ночью слышал я голоса прошлой жизни, таинственные голоса из глубины веков.

<...> Так видел я тебя, Моисей, в пустыне. Все это слышал я ночью в горах вокруг таинственного провала Мертваго моря.

И Море видело и слышало тебя» [13, с. 3–4].

Элементы «я-повествования», характерные для поэтики всей прозы Кондурушкина, играют в повести важнейшую роль, становясь связующим звеном между ветхозаветным прошлым и сегодняшним днем, обеспечивая амбивалентность вневременности этой ветхозаветной фигуры и ее современности. Вот как автор рисует мифопоэтическую неуловимость и одновременно – конкретность образа пророка:

«Моисея никто не видел, но его все знали. Никто его не слышал, но от края и до края Египта все повторяли его слова. Одно его имя манило вдаль, бодрило, радовало, заставляло верить <...> Моисей ежедневно умирал и снова воскресал, жил в каждом округе, в каждом городе, в каждом доме, в сердце каждого человека, светился в глазах, управлял мыслями, заставлял всех плакать и радоваться...» [Там же, с. 6].

Писатель стремится представить библейского пророка, сохраняя канву ветхозаветного сюжета, и в то же время дать свою интерпретацию истории Моисея. Вокруг этого сюжета возникает

достаточно обширная переписка с Горьким, у которого свое видение Моисея и который дает Кондурушкину литературные советы (см.: [14], [15]). Для Кондурушкина Моисей – личность крайне неоднозначная. Основной конфликт повести разворачивается в тот момент, когда вышедшие из Египта евреи оказываются перед переходом в земли Израиля и стоят 40 дней. События сорокового дня этого стояния и оказываются основными в повести. Хотя сюжетное решение в целом достаточно близко к ветхозаветной версии, автор дополняет его примечательными деталями собственного ближневосточного опыта. Так, ему удается отразить все многоголосие современного Востока, разбавляя вышедшую из Египта народную массу представителями самых разных племен:

«Черные, низкорослые негры, толстые эфиопы расцвели еврейский народ <...> На пути к ним присоединилось много арабов в надежде на грабеж и добычу» [13, с. 11].

И только Моисей может управиться со всеми.

Однако отношение к предводителю складывается по-разному. Соплеменники то славят его в моменты надежды и радости, то хулят и бранят в минуты отчаяния. Самым прозорливым из них, понимающим величие Моисея и видящим в нем спасителя народа, оказывается слепой мудрец Махи. Ему противостоит негр Фузи, отчасти трикстер, отчасти шут, зловещий комизм поведения которого олицетворяют темную, трагическую сторону происходящего. Противостояние Махи и Фузи находит свое продолжение в другом конфликте – заговоре предводителей двенадцати колен, стремящихся избавиться от Моисея и взять власть в свои руки.

Судьба Моисея, сумевшего разоблачить и повергнуть своих противников, определяется не только его божественным предназначением, но и особенностями личности, в частности способностью применяться к обстоятельствам и подчинять их себе. Так, в один из ключевых моментов, когда, казалось бы, трагический финал неизбежен, появление Моисея в шутовском наряде резко меняет ситуацию. Карнавальная сцена увенчания-развенчания становится одним из высших художественных достижений Кондурушкина. Эта сцена, в которой чувства восторга и радости вдруг сменяются приступом злобной ненависти, обретает почти библейский масштаб:

«И в этом наряде шута Моисей возбудил в народе пламенный восторг. Приходили и целовали его руки, молились на него и ликовали безгранично <...>

Моисей стоял в толпе старшин в своем шутовском наряде, наклоня голову, и не говорил ни слова. Плевки с кровавой пеной слетали с толстых губ и приставали к его лицу, бороде и одежде.

Бирке залез на камень и закричал во все горло:

– Смерть Моисею, смерть!

И безумие пустыни тысячами ртов, тысячами камней, скал и ущелий повторило эти слова» [Там же, с. 52–55].

Финал повести, где предсказание грядущего счастья на родной земле становится оправданием перенесенных мук и страданий, окончательно формирует героический ореол вокруг противоречивой фигуры библейского пророка, не лишая его при этом человеческих черт. Именно эта «человечность» Моисея вызвала серьезные возражения Короленко (см.: [9, с. 190–191]), с которыми писатель не согласился.

Свобода обращения писателя с библейскими мифами во многом объяснялась тем, что они становились для него предметом не только литературного творчества, но и карнавального обыгрывания. Навещая А. М. Горького на Капри уже после публикации «Моисея», Кондурушкин принимает активное участие в домашних посиделках. Сохранилась фотография, на которой запечатлена разыгрываемая Горьким и его гостями сценка «Пьяный Ной», где Кондурушкин исполняет роль Ноя, а Горький – Хама [14, с. 991]. Фотография иллюстрирует карнавально-ироническое отношение к ветхозаветным мифам в этой культурной среде.

«Моисей» был не единственным библейским замыслом Кондурушкина: в переписке с Горьким он делился планами написать повесть об Иуде, однако, как можно предположить, последовал совету и отказался от этой темы, слишком популярной в России и на Западе.

В 1912 г. на страницах журнала «Русское богатство» он публикует повесть «Потомки царя Иудейского» [16]. Здесь происходит не просто трансформация евангельского мифа, но принципиальный переход от мифа к истории. Новая повесть – не постромантическая «христология» Д. Ф. Штрауса и Э. Ренана и их многочисленных подражателей, но первый опыт исторической реконструкции жизни Ближнего Востока конца первого века новой эры.

Через 50 лет после появления в Иерусалиме Христа старый центурион, ветеран римских легионов, получает задание наместника по приказу императора доставить потомков царя Иудейского. Речь идет о трех внуках Иуды, брата Христа, проживающих в маленькой еврейской деревне на берегу Тивериадского озера. Строго следуя библейской топографии, автор описывает, с какими

приключениями небольшой римский отряд добирается до места назначения для того, чтобы арестовать и препроводить трех, как пишет Кондурушкин, «обычных мужиков», которые даже не знают о своем божественном предке. Ключевой сюжет Нового завета – смерть и воскрешение Христа – вступает в конфликт с бытовым анекдотом: ни жители деревни, ни «преступники» не понимают сути происходящего. Примечательно, что не понимает этого и сам центурион, в связи с чем повествование в какой-то момент приобретает комическую окраску:

«Сотника угощали, расспрашивали, зачем требуют в Рим Симана, Якуба и Хиллеля. А сотник в свою очередь узнавал, выведывал издалека, нет ли какой подмены, и действительно ли эти мужики – потомки иудейского царя, распятого Пилатом?» [Там же, с. 12].

Но комизм истории сменяется трагизмом, когда три несчастных арестанта предстают перед стариком сенатором, в свою очередь не понимающим, зачем и почему доставлены к нему обычные «феллахи»? Не снимает недоумения и следующая за этим сцена допроса, после которого потомки царя иудейского (на всякий случай) препровождены в темницу. Может показаться, что автор оборвал повествование неожиданным образом, однако подобная открытость финала – это не только способ разрешения конфликта между новозаветным мифом и исторической реальностью, но и потенциальная возможность продолжить начатую историю в новом произведении. Все это свидетельствовало о несомненной литературной зрелости писателя.

В заключение отметим, что обращение к библейскому мифу в ближневосточном нарративе Кондурушкина значительно расширяет его художественные возможности: от относительно простых схем путевого очерка и рассказа очевидца он переходит к сложной системе образов прошлого и настоящего, «больших нарративов», разворачивающихся на фоне хорошо знакомых автору и его читателям горных ландшафтов Сирии и Палестины.

В дальнейшем библейская образность остается одним из важнейших художественных средств и у Кондурушкина-журналиста, и у Кондурушкина-прозаика. Заслуживает специального внимания исследование того, как писатель работает со всей системой библейских образов в своих статьях и очерках, посвященных Первой мировой войне и революции 1917 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-09-41005.

The reported study was funded by RFBR, project number 21-09-41005.

Список источников

1. Богомолов Н. А. Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 708 с.
2. Обатнин Г. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М.: Новое литературное обозрение, 2000. 240 с.
3. Bykova M., Forster M., Steiner L. (eds.) *The Palgrave Handbook of Russian Thought*. Springer Verlag. 2021. XXVII, 814 p.
4. Malmstad J. *Mikhail Kuzmin: A Life in Art*. Harvard: Harvard University Press, 1999. 496 p.
5. *Paraboly: Studies in Russian Modernist Literature and Culture*. Berlin A.O.: Peter Lang, 2011. 388 p.
6. Чуваков В. Н. Кондурушкин Степан Семенович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. К–М / Глав. ред. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 50–51.
7. Владимирова С. М., Дубровская С. А., Дубровская Д. А. Ближневосточный хронотоп в прозе С. С. Кондурушкина рубежа XIX–XX веков. К постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2021. № 2. С. 1–9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35012 (дата обращения: 30.05.2022).
8. Дубровская С. А., Киржаева В. П., Владимирова С. М. Ближневосточная повседневность в журнальных очерках С. С. Кондурушкина начала XX века // Научный диалог. 2021. № 8. С. 170–184.
9. Короленко В. Г. Избранные письма: в 3 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1936. 287 с.
10. Кондурушкин С. С. Сирийские рассказы. СПб.: Знание, 1908. Т. 1. 252 с.
11. Завельская Д. А. Библейская тема как проекция общественных процессов: повесть С. С. Кондурушкина «Моисей» и его переписка с М. Горьким // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 99–105.
12. Кондурушкин С. С. Ливан // Нива. 1903. № 40. С. 796–799.
13. Кондурушкин С. С. Рассказы. СПб.: Знание, 1910. Т. 2. 292 с.
14. Переписка с С. С. Кондурушкиным. Предисловие, публикация и комментарии В. Н. Чувакова. Из дневника С. С. Кондурушкина (1908) // Литературное наследство. 1988. Т. 95. С. 944–992.
15. Дубровская С. А., Владимирова С. М. Степан Кондурушкин и Максим Горький: к проблеме литературных контактов в историко-культурном контексте эпохи // Вестник урovedения. 2022. Т. 12. № 1. С. 37–47.
16. Кондурушкин С. С. Потомки царя Иудейского: Повести, рассказы. Петроград: Огни, 1917. 146 с.

References

1. Bogomolov, N. A. (2010). *Vokrug "serebriannogo veka": Stat'i i materialy* [Around the Sil-

ver Age: Articles and Materials]. 708 p. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

2. Obatnin, G. (2000). *Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyacheslava Ivanova (1907–1919))* [Ivanov the Mystic (Occult Motifs in the Poetry and Prose of Vyacheslav Ivanov)]. 240 p. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
3. Bykova, Marina F.; Forster, Michael N. & Steiner, Lina (eds.) (2021). *The Palgrave Handbook of Russian Thought*. Springer Verlag. XXVII, 814 p. (In English)
4. Malmstad, J. (1999). *Mikhail Kuzmin: A Life in Art*. 496 p. Harvard, Harvard University Press. (In English)
5. *Paraboly: Studies in Russian Modernist Literature and Culture*. (2011). 388 p. Berlin A. O., Peter Lang. (In English)
6. Chuvakov, V. N. (1994). *Kondurushkin Stepan Semenovich* [Kondurushkin Stepan Semenovich]. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. T. 3. K–M. Glav. red. P. A. Nikolaev. Pp. 50–51. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian)
7. Vladimirova, S. M., Dubrovskaya, S. A., Dubrovskaya, D. A. (2021). *Blizhnevostochnyi khronotop v proze S. S. Kondurushkina rubezha XIX–XX vekov. K postanovke problemy* [Middle Eastern Chronotope in the Prose of S. S. Kondurushkin at the Turn of the 19th–20th Centuries. On the Problem under Study] *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 2, pp. 1–9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35012 (accessed: 30.05.2022). (In Russian)
8. Dubrovskaya, S. A., Kirzhaeva, V. P., Vladimirova, S. M. (2021). *Blizhnevostochnaya povsednevnost' v zhurnal'nykh ocherkakh S. S. Kondurushkina nachala XX veka* [Middle Eastern Everyday Life in S. S. Kondurushkin's Journalistic Essays at the Beginning of the Twentieth Century]. *Nauchnyi dialog*. No. 8, pp. 170–184. (In Russian)
9. Korolenko, V. G. (1936). *Izbrannye pis'ma* [Selected Letters]. V 3 t. T. 3, 287 p. Moscow, Goslitizdat. (In Russian)
10. Kondurushkin, S. S. (1908). *Siriiskie rasskazy* [Syrian Stories]. T. 1, 252 p. St. Petersburg, Znanie. (In Russian)
11. Zavel'skaya, D. A. (2011). *Bibleiskaya tema kak proektsiya obshchestvennykh protsessov: povest' S. S. Kondurushkina "Moisei" i ego perepiska s M. Gor'kim* [Biblical Subject Matter as a Reflection of Public Interests: The Novelette "Moses" by S. S. Kondurushkin and His Correspondence with M. Gorky]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 2, pp. 99–105. (In Russian)
12. Kondurushkin, S. S. (1903). *Livan* [Lebanon]. *Niva*. No. 40, pp. 796–799. (In Russian)
13. Kondurushkin, S. S. (1910). *Rasskazy* [Stories]. T. 2, 292 p. St. Petersburg, Znanie. (In Russian)
14. *Perepiska s S. S. Kondurushkinym. Predislovie, publikatsiya i kommentarii V. N. Chuvakova. Iz dnevnika S. S. Kondurushkina* (1988) [Correspondence with S. S. Kondurushkin. Preface, Publication and Comments by V. N. Chuvakov. From the Diary of S. S.

Kondurushkin]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1908. Т. 95, pp. 944–992. (In Russian)

15. Dubrovskaya, S. A., Vladimirova, S. M. (2022). *Stepan Kondurushkin i Maksim Gor'kii: k probleme literaturnykh kontaktov v istoriko-kul'turnom kontekste epokhi* [Stepan Kondurushkin and Maxim Gorky: On the Problem of Literary Contacts in the Historical and Cultur-

al Context of the Epoch]. *Vestnik ugrovedeniya = The Bulletin of Ugric Studies*. Т. 12. No. 1, pp. 37–47. (In Russian)

16. Kondurushkin, S. S. (1917). *Potomki tsarya Iudeiskogo: Povesti, rasskazy* [The Descendants of the King of Judea: Tales and Stories]. 146 p. Petrograd, Ogni. (In Russian)

The article was submitted on 31.05.2022

Поступила в редакцию 31.05.2022

Владимирова Светлана Михайловна,
старший преподаватель,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
vladisveta@rambler.ru

Vladimirova Svetlana Mikhailovna,
Assistant Professor,
National Research Mordovia State University
named after N. Ogarev,

68 Bolshevikskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
vladisveta@rambler.ru